

УДК 82-31+2.7

**«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» И МЕСТО ХРИСТИАНСКИХ МОТИВОВ
В РОМАНЕ М. КУЧЕРСКОЙ «ТЕТЯ МОТЯ»**

Варакина Е.Р.

В статье анализируется философия семьи, воплощенная в романе М. Кучерской «Тетя Мотя», прослеживаются сходство и различия с «мыслью семейной» романа Л. Толстого «Анна Каренина», который является для данного произведения полемически поданным прототекстом (героиня Кучерской в той же ситуации выбирает не страсть, а семью). Анализ показывает, что представления Тети Моти о семье и любви проходят проверку, соотносясь с семейным поведением верующих героев второго плана, а переломные моменты семейной жизни героини представлены в романе как моменты ее «встречи» с Богом.

Ключевые слова: современная русская литература, Православие, семья, измена, Кучерская, «Тетя Мотя», «Анна Каренина», интертекст.

**THE "FAMILY THOUGHT" AND THE PLACE OF CHRISTIAN MOTIVES
IN THE NOVEL "TYOTYA MOTYA" BY M. KUCHERSKAYA**

Varakina E.R.

The article analyses philosophy of a family recorded in the novel "Tyotyа Motya" written by M. Kucherskaya in comparison with the "family thought" of the novel "Anna Karenina" written by Leo Tolstoy. The given analysis of "Tyotyа Motya" shows that the main character's idea of love and family is tested with the family behavior of religious supporting characters. Also some break points in her family life are shown as the main character's encounter with God.

Keywords: contemporary Russian Literature, Orthodoxy, family, adultery, Kucherskaya, "Tyotyа Motya", "Anna Karenina", intertextuality.

Работа выполнена в рамках совместного научного проекта ПСТГУ и Института им. Гумбольдта (Германия) «Позиция автора, власть и вера в истории русской литературы».

В рецензиях на роман М. Кучерской «Тетя Мотя» уже была четко выделена его главная тема – «мысль семейная» – и главный тематический прототекст – «Анна Каренина» Л. Толстого [5]. Реминисценции действительно очевидны: и если любовный треугольник, являющийся основой сюжета «Тети Моти» (нелюбимый муж – любовник – главная героиня, мечущаяся между семьей с нелюбимым и тайной связью с любимым), характерен не только для романа Толстого, но и для любого романа, предметом которого выступает измена женщины (хотя и здесь в отечественной словесности Толстой стоял у истоков темы, и все, писавшие после него, писали с оглядкой на его роман), то множество деталей, конкретизирующих эту семейную драму, не оставляют сомнения в сознательном создании писательницей интертекстуального поля. Среди этих совпадений – пол, возраст и обстоятельства рождения детей главных героинь: сын, рожденный в законном браке, и младшая девочка, зачатая в период тайной связи. Образы Тишки и Долли – многодетных, страдающих от измены мужей, всю свою жизнь сосредоточившие в детях. Стива Облонский в «Тете Моте» «удвоился»: по психологическому портрету его больше напоминает Ланин, с его вальяжной обаятельностью, популярностью у женщин, любовью к изысканному комфорту, вкусной еде и т.п., а по сюжетной роли – изменяющий муж. С ним соотносятся и Ланин, и Боря. Ланину же достаются и некоторые портретные характеристики Каренина, например, знаменитые оттопыренные уши [4, с. 39]. Напоминает Ланин и Вронского – по своей сюжетной роли, а также, например, по тому сложному чувству отторжения и какой-то непонятной вины, которые испытывает к своей возлюбленной после их первой близости [4, с. 222-223].

Чтобы у читателя не возникало впечатления, что эти и другие «совпадения» случайны, Кучерская вводит в текст «Тети Моти» и прямые

отсылки к роману Толстого: «Но и убедившись, уверившись, Тетя не могла поверить <...> Ощущала себя героиней "Анны Карениной", а оказалось-то... бульварного романа на серой бумаге!» [4, с. 370] (ср. также более развернутую реминисценцию [4, с. 382]).

Соотнесение своего романа с «Анной Карениной» как прототекстом нужно Кучерской не для постмодернистской игры с кодами классики, а для серьезной художественно-идеологической полемики. Исходная «расстановка фигур» обоих романов в целом совпадает (хотя некоторые детали и даны со «смещением»: так, «муж» и «любовник» в «Тете Моте» меняются возрастом; оттопыренные уши здесь принадлежат любовнику и потому вызывают у героини не отвращение, а умиление, и проч.). Однако *финалы различаются принципиально* – Тетя Мотя выбирает не страсть, а семью. Целью данной работы является анализ того, как развивается в «Тете Моте» «мысль семейная» и какую роль в «новой версии» старого сюжета сыграли христианские мотивы и образы, в изобилии присутствующие в произведении Кучерской.

Первый роман М. Кучерской, «Бог дождя», по своей проблематике и доминирующим художественным образам относился к *экклезиоцентрическим* текстам современной русской литературы [2, с. 232-233]. То есть, иначе говоря, предметом художественного исследования в нем являлось бытие в Церкви и православная религиозность, показанные через призму воцерковляющегося сознания и серьезной духовной ошибки героини – искаженного отношения к духовнику, что привело к ее духовному и житейскому кризису [3, с. 50-52]. Роман «Тетя Мотя» художественно выстроен совершенно иначе: в фокусе внимания автора жизнь *нецерковной* женщины, а герои, в той или иной степени, принадлежащие к миру Церкви, выступают как *второстепенные персонажи*. Но, несмотря на эту их видимую периферийность, а также на то, что никаких зримых движений героини в сторону православной церковности в финале романа не происходит, есть все основания утверждать, что христианское начало сыграло значимую роль в развитии психологического сюжета «Тети Моти». Как, впрочем, и в романе Толстого, где писатель пытался показать

губительность страсти и неизбежный онтологический, экзистенциальный и духовный кризис женщины, которая выбирает не семью, а любовника [1].

У Кучерской дилемма «семья-страсть» приобретает еще большую глубину и остроту. Во-первых, за счет более драматических «исходных данных» мужа и жены, у которых взаимная влюбленность сочетается с принадлежностью к абсолютно разным «традициям» и «укладам», как формулирует один «второстепенный герой» (выполняющий в романе роль резонера, или, точнее, духовного камертона). Во-вторых, за счет многоаспектности и антиномичности образов главных героев, что сродни той «текучести» человеческой психики, которую остро ощущал поздний Толстой (ср. знаменитую цитату из «Воскресения»: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая... Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь одним и самим собою»). Особое психологическое напряжение в романе Кучерской создается за счет постоянного корректирующего соотнесения *происходящего* и *чувствуемого-понимаемого*, а также внутренних реакций обоих героев друг на друга и на свою семейную ситуацию. В результате этих соотнесений оказывается, перефразируя известную формулу В. Тьюпы, что *внутреннее* героя не совпадает не только с его внешней реализацией, но и с художественными интерпретациями этого *внутреннего*.

Так на протяжении романа в разных эпизодах и с разных точек зрения Коля-муж предстает как: грубый мужлан [4, с. 61-64, 213-214, 242, 258-259], не испытывающий никакого интереса к жене [4, с. 39-40, 61], кроме, разве что, физиологического [4, с. 62-64, 258], готовый ей изменить [4, с. 17-18, 181-182, 270] и даже изменяющий [4, с. 276]; нежный [4, с. 332], любящий и верный [4, с. 177-181, 243], застенчивый [4, с. 58-59], внимательный, добрый [4, с. 65], хозяйственный, надежный [4, с. 47-48], страдающий от нескладной семейной жизни [4, с. 177-181], но не отказывающийся от своей ответственности за жену и сына, по-своему заботящийся о них [4, с. 17, 65, 269-270, 274-276, 332-333];

просто мальчишка, еще не ставший взрослым [4, с. 65, 96, 130, 177-182]; примитивно-поверхностный компьютерщик-геймер [4, с. 39, 173-174, 180, 183, 230] и выпивоха [4, с. 177-181], человек, романтично влюбленный в мир слов и той Большой Культуры, которому принадлежит его жена [4, с. 272-273]; тот, кто напряженно ищет некий онтологический ключ к происходящему в его жизни, причем ищет самостоятельно и настойчиво [4, с. 130-131, 174], за что и удостоивается Встречи с Мудрецом [4, с. 468-475]. Если мы попытаемся свести все эти противоречивые характеристики в некое единое целое, то вынуждены будем остановиться в некотором недоумении. Здесь нет характеристик «истинных» и «ложных», так как за каждой стоит подтверждающий ее факт реальности или сознания героя; нет даже «более» или «менее» значимых для облика Коли, так как они вступают в сложное и динамичное взаимодействие. В результате в образах Коли и Тети Моти (по отношению к которой мы можем проделать ту же «систематизирующую» операцию и примерно с тем же результатом) остается некая лазейка, пространство экзистенциальной неуловимости, непредсказуемости, неисчерпаемости, которая оборачивается финальной возможностью преобразования самой безысходной ситуации.

Суть безысходной ситуации мы уже сформулировали раньше: это кризис семьи Коли и тети Моти, внутренне усугубляющийся влюбленностью героини в другого мужчину. *Представления о семье, браке и о женской доле* является той основной характеристикой, которая формирует систему персонажей и проблемное поле романа. Лиза Новикова предложила интерпретацию этого проблемного поля, основанную на бинарной оппозиции «тогда-теперь»: «Тогдашние женщины на ухаживания всевозможных "ланиных" реагировали просто и со вкусом: "Я отвечала, что, если он снова заведет подобные речи, мне придется отказаться от участия в нашей постановке, которую все так ждут в городе"» [5]. На самом деле, несмотря на действительную важность для данного романа обозначенной временной оппозиции, Новикова несколько спрямила и упростила ситуацию. Согласно архивно-генеалогическим изысканиям одного из героев, на процитированной жесткой фразе Анастасии Павловны Адашевой ее

отношения с поклонником не закончились – ее последний ребенок родился через девять месяцев после смерти мужа и, по слухам, вполне мог быть сыном того самого поклонника [4, с. 305]. Действительно ли супруга Адашева изменила ему, или это лишь плод слухов и измышлений, установить, по мнению этого персонажа-архивиста и историка, невозможно – «много, как обычно, неясного» [4, с. 305]. Но очевидно, что и *в прошлом* существовали не только благополучные семьи, где супруги любили и берегли друг друга и хранили верность. Не только неясная ситуация с рождением Адашева-младшего, но и литературный прототекст напоминает читателю о том, что измены бывали и *тогда* (Анна Каренина, Стива Облонский). Старинные свадебные песни, которые слышит тетя Мотя, в свою очередь свидетельствуют о существовании трагической стороны семейной жизни и тяжелой женской доле [4, с. 50-52]. Дополняют впечатление о том, что прошлое не было идиллическим золотым веком для института семьи, и введенные в полемическое пространство романа отсылки к восточной культурной и религиозно-философской древней традиции, в которой «женщин <...> и за людей-то не считали» [4, с. 176], «женскую фигуру в иероглифах обычно изображали на коленях» [4, с. 176], утверждали, что «любовь к женщине – грустна и жалка, потому что временна» [4, с. 474] и т.п.

То есть дихотомия «*тогда* семьи были счастливы, а жены верны и любимы, а *сейчас* это скорее исключение из правил» в полемическом поле романа оспаривается (хотя именно эту точку зрения сначала выбирает для себя Тетя Мотя).

Как же на самом деле выглядит «расстановка сил» на «семейном фронте» романа Кучерской?

Условно можно выделить три главных представлений о семье, сосуществующих и взаимодействующих в полемическом поле романа Кучерской и так или иначе исповедуемых героями «Тети Моти»:

1. Бытие-в-семье сопряжено с мукой, страданиями, изменами, насилием и внутренним одиночеством и нередко ведет к жизненной трагедии и катастрофе.

Символом этой позиции выступает старуха, поющая на свадьбе Коли и тети Моти старинные свадебные песни: «Беги, пока не поздно, девка!» – вот что прочитала невеста в бабкиных глазах» [4, с. 51]. Чуть позже из уст Коли тетя Мотя узнает жизненную историю этой старухи: «Муж ее был сволочь редкая, чуть не убил ее, несколько раз едва живая убегала от него, у нас сколько раз пряталась, в больнице лежала, он ведь даже сидел, за драку, нет, с мужиками, в тюрьму сколько посылок ему отправила. А вернулся, опять за свое, но лет десять уж как повесился» [4, с. 58].

В романе довольно много неудачных семей: отец тети Моти ушел от жены, нанеся этим тяжелую психологическую травму маленькой дочери [4, с. 171]; несчастна и одинока Анастасия Адашева, страдают жена Ланина Люба, Тишка, а также множество безымянных женщин, о которых вспоминает Коля – и в число которых входит и его собственная жена: «Сколько баб на работе, одиноких несчастных баб <...> Потому что у кого и есть муж, тоже ж нет счастья, счастья нет...» «Да. Я это знаю!» – хотелось крикнуть Тете» [4, с. 179].

Мучается в семье, как уже было сказано, и сам Коля, то страдая от одиночества и нелюбви Тети, то ярясь на нее из-за неумения вести хозяйство, ощущая от всего этого «досаду жгучую и понимание, что жизнь катится под откос» [4, с. 269];

2. Семья не очень-то и нужна человеку, из нее в любой момент можно уйти, юридически (развод) или фактически (измены, отчуждение, разъезд, углубление в свои интересы и свой мир). Символами этой философии семьи выступают два второстепенных персонажа – подруга Тети Моти Алена («Да в чем проблема, кисуль? Разбежаться и забыть!» [4, с. 53]) и восточные философы – древний (Мо Цзы [4, с. 175-176]) и современный (старый вьетнамец, встреченный Колей и «показавший» ему Тао [4, с. 467-475]). На определенном этапе к этой точке зрения тяготеют и Коля [4, с. 473-495], и Тетя Мотя [4, с. 501];

3. Семья в идеале – это радость жизни вместе с дорогим и близким человеком, но часто этому предшествует тяжкий каждодневный труд по

строительству этого «вместе» и взаимной поддержке перед лицом бед и испытаний.

В романе всего две благополучных, светлых семьи, где супруги с самого начала бережно, любовно и заботливо относятся друг к другу: это семья священника XIX века отца Илии, созданная под покровом молитв и благословения преподобного Анатолия Оптинского [4, с. 78-85], и семья пожилого историка Голубева: «Другой мир спокойно, твердо глядел на нее с этой фотографии, мир, в котором жены уж точно верны мужьям до смерти, а если нужно, едут за ними на край света. Без позы, без лишних слов, любя их каждый день и мгновение, точно и не зная, что бывает иначе, чем бог послал. Была в этой комнате и иконка, но она стояла за застекленной дверцей буфета...» [4, с. 298-299]. Таким образом, в «Тете Моте» обе семьи, приближающиеся к идеалу, – семьи православные. Однако «любовного» вероучительного дидактизма не получается – благодаря образу Тишки, воцерковленной молодой женщины, семья которой далека от счастья и благополучия. Но эта семья, пожалуй, еще важнее для идеи романа, т.к. именно в словах и делах Тишки воплощена не только семейственность как идеал, но и представление о семейной жизни как непрерывном труде и необходимости за эту семью бороться, в том числе и с самой собой. Например, по совету знакомого батюшки, чтобы вернуть загулявшего мужа в семью, Тишке «надо превратиться в идеальную жену», «делать все, что любит муж, все, что попросит, стать тенью», преодолевая и свою усталость, и свою обиду [4, с. 199-200]. Остается неизвестным, победит ли Тишка. В конце романа Боря возвращается к ней, но такие возвращения уже неоднократно происходили и раньше и заканчивались очередным уходом [4, с. 198-200]; добавляет пессимизма и прослеживающаяся интертекстуальная параллель с семьей Облонских, где Стива продолжал изменять Долли и после открытого семейного скандала. Однако, независимо от результата борьбы, в художественной структуре романа Тишка побеждает уже самой своей готовностью к борьбе и труду, своей чистотой, жертвенностью и верностью семейным идеалам [4, с. 197].

В благополучной семье Голубевых нет необходимости борьбы, но здесь также царит тихий ежедневный труд любви, заботы и внимательности (ср. бутерброды, украдкой сунутые женой в сумку Голубева [4, с. 110]; его переживания в предсмертном письме Тете, что жене будет без него одиноко [4, с. 494] и т.п.).

Эти три семьи – отца Илии, Голубевых и Тишки – являются для Тети Моти своеобразным камертоном ее жизни, который неожиданно для нее обличает ее фальшь, ошибочность выбора в пользу страсти, казавшегося ей очевидным: «Лицо Ланина всплыло в ее памяти, и впервые за это время все, что казалось ей таким новым, чудесным, бездонным – взволнованные эсэмэски, стихи, виртуальные и реальные поцелуи – представилось пустотой, теплой, уютной, но нечистой, – сейчас, в доме Сергея Петровича, перед этой гитарой, фотографией и лицом неведомой женщины она внезапно уткнулась в дно» [4, с. 299].

Но если перед лицом Сергея Петровича и образом отца Илии с семьей Тетя Мотя просто замирает в некоем благоговении (это «другой мир», и при этом мир прошлого), то с родной и понятной Тишкой, неожиданно ставшей «камертоном» ее внутреннего мира, Марина (таково настоящее имя Тети Моти) все-таки пытается спорить. И не только с ней как с близкой подругой, но и с ней как с представительницей «ее Бога» (Тишка воцерковилась еще в Университете, после трагически закончившейся первой любви): «Тишка, вот ты ходишь в церковь... я уверена, Богу угодно, чтобы люди были счастливы. Хотя только теперь я впервые понимаю, что это вообще такое – быть счастливой, радоваться жизни <...> Впервые люблю» [4, с. 195]. В ответ Тишка, подстраиваясь под представления почти неверующей Тети Моти, пытается объяснить ей две очень важные мысли. Во-первых, *метафизику брака – это одновременно «труд» двух людей и «мистический процесс»,* в котором «принимают участие высшие силы, куда денешься. Но они, правда, подключаются и претворяют эти отношения, отношения двоих в одно» [4, с. 203]. А во-вторых, *необходимость называть вещи своими именами,* а не прятать зло и грех за его романтизацией и

идеализацией: «...слова тут тоже очень важны. Беготня в поисках "близости" сроком в три, заметь, года называется изменой. Это – измена. Но так уж у нас все устроено, будто все мы страшно заинтересованы как раз в том, чтобы размыть, расслабить суть многих слов, тех в особенности, что связаны с нравственностью» [4, с. 357], «Хотя бы не надо черное называть белым» [4, с. 362].

В конце разговора Тишка просит Тетю бросить Ланина – «он тебя утянет ниже, в топь, ложь, в сумасшествие» [4, с. 364]. Тетя Мотя не принимает оценок и советов Тишки, в сердцах даже бросает ей: «Не надо, Тишка, не надо черное белым, но как же все-таки хорошо, что ты не Бог» [4, с. 362]. Звучат из уст Тети Моти и стандартные упреки Православию, которое не может вместить их с Ланиным отношений: «Да что же это за религия, которая не отвечает человеку один из самых важных вопросов! Что ему делать со своим телом? Со своей чувственностью? Ведь он не аскет <...> слаб человек, и давай его все-таки простим» [4, с. 363]. Спор с Тишкой не заканчивается ничем – но поскольку со стороны Тети Моти это был спор с теми нравственными ценностями и запретами, на которые ориентируется ее подруга, и с Тем, Кто задал эту шкалу координат (а может быть, как надеется Марина, с теми, кто Его не так понял – «ты не Бог», Тишка, а Он-то наверняка думает по-другому...), то этот спор в романе неожиданно продолжается, уже «без посредников».

Тетя Мотя не занимается богоискательством, не размышляет о религиозных вопросах. Всего два раза за роман она соприкасается с жизнью Церкви. Один раз только формально, во время «бубнивого венчания, на котором настояла Колина мать» [4, с. 49]. Второй раз эмоционально, во время визита Тишки, когда они с Теплым подпевают ей в пении Пасхального тропаря [4, с. 353-354]. Но когда Тишка советует Тете Моте пойти в храм, та мягко уклоняется.

Однако в ключевые моменты своей жизни Тетя Мотя очень остро ощущает Присутствие Божие. Таких «встреч» за время романа происходит четыре. Две из них связаны с болезнью, которую Тетя Мотя без колебаний

связывает со своей изменой мужу. Первая болезнь, болезнь сына, – это, по ощущениям Тети, еще зов к ней, попытка (сына? Бога?) остановить ее на выбранном пути [4, с. 229]. Однако, несмотря на понимание и краткое раскаяние, Тетя Мотя продолжает свою «двойную жизнь». И тогда, спустя некоторое время, приходит вторая болезнь, уже ее собственная – и уже как расплата (неслучаен здесь внешний параллелизм двух эпизодов: самый тяжелый симптом обеих болезней – страшная рвота):

«...И почему, почему, любимая Тишка, я должна любить хмурого упыря, а не того, кого и в самом деле люблю? Неужели твой Бог, твой Христос этого от меня хочет, чтобы взять да и утопиться мне в этой жиже – позыв уже начинался, уже подступала новая порция, она встала на колени – в этой жиже собственной рвоты?

Мне что делать?

Пропать в д... своего отвращения к собственной лжи, любви к пустышке, сгинуть в пошлости серой, вязкой, разлитой в любом адюльтере, слышите, да, возлюбленные, в любом! В вонючем болотце адюльтера, кроме которого, правда, вот загвоздка, ничего хорошего в моей жизни не было. Нет, забыла, Тема, сын, но – это другое. Не могу, по-вашему, значит, буду любить кого и когда захочу, буду жить с кем выберу, а лучше ни с кем, ни с каким мужчиной и никакою женщиной» [4, с. 500-501].

В этом страстном споре героиня словно разделяется надвое. Одна ее часть отстаивает право на любовь к Ланину, вторая принимает ту оценку, которую дала их отношениям Тишка («он тебя утянет ниже, в топь, ложь» – и теперь наступает время «реализации метафоры»), и Тетя Мотя захлебывается в этой топи – «жиже», «болотце») и, для Марины, ее голосом – Тот Бог, в которого верит Тишка и в Которого, как оказывается, верит где-то в глубине души и сама тетя Мотя, верит еще по-ветхозаветному, ощущая Его присутствие, прежде всего, в наказании за грех.

Однако «страшные» встречи с Богом уравниваются в романе другими, светлыми – когда Тетя с замиранием предстает перед тайной бытия и

чувствует свою связь с Творцом. Эти моменты и их переживание автором-героиней-читателем напоминает схожие эпизоды в «Анне Карениной», о которых А. Фет в свое время писал как о «двух дырах в мир духовный»: «Эти два видимых и вечно таинственных окна: рождение и смерть» (Из письма А. Фета Л. Толстому 12 апр. 1877 г.). В «Тете Моте» смерти нет, но есть рождение как таинство. Этих «таинственных» эпизодов, как и страшных, в романе два. И, как и в случае болезни, первый эпизод выступает как зов и обещание, которые Тетя не услышала и которым не вняла: «...И когда Коля удивленно клал ей на живот ладонь и точно охотник ждал в засаде, когда же *он* шевельнется и одарит папу тихим тумачком, она только улыбалась своим мальчишкам и все-таки не понимала до конца: происходящее – чудо. И, как и всякое чудо, оно совершенно изменит ее жизнь. <...> Она поднималась утром, <...> каждый раз с новым изумлением понимая, что окружена слетевшей неведомо откуда защитой.

Легкий плотный нимб этого таинственного покрова сгущен был вокруг головы. Казалось, кто-то бесплотный едва ощутимо, хотя и с несомненной властью положил на макушку ладонь <...> Ангел-хранитель? Бог?

В Бога Тетя всегда в общем верила, но издалека, не подозревая, что Он может так приблизиться... Или все-таки ангел? Надо было спросить у Тишки» [4, с. 333-334]. Но чуда в тот раз не произошло – ощущение связи с Богом исчезло, семья после рождения Теплого тоже не восстановилась, пропасть между Колей и Тетей Мотей все увеличивалась. Однако возникло и сохранилось, несмотря на все последующие события, в жизни Тети Моти очень важное – ее горячая любовь к сыну, ее материнство. Верной сыну она оставалась всегда, и когда думала об уходе из семьи, то даже мысли не допускала о разлуке с Темой, которого собиралась взять с собой в новую жизнь [4, с. 256-257]. И когда после ссоры с Колей Тетя уходит из дома, то действительно берет Тему с собой [4, с. 258]. И, возможно, именно поэтому трагический хронотоп из «Анны Карениной» (вокзал, поезд) и сопровождающие эмоции героини (отсутствие цели поездки, внутреннее

смятение и ощущение жизненного тупика) ведут в романе Кучерской не к гибели героини, а, в перспективе, к ее преображению и возрождению их семьи.

И Анне Карениной, и Тете Моте в разгар их «тайной страсти» дается шанс на то, чтобы «переломить» всю ситуацию. Этот шанс – рождение второго ребенка. Оба мужа готовы признать дочку, оба любовника тоже. Выбор остается за женщиной. Анна выбирает Вронского – однако у нее не получается создать с ним семью, их любовь перерождается в усталость с его стороны и жгучую, ожесточенную ревность с ее. Характерно, что дочь при этом не вызывает у Анны того материнского чувства, которое в свое время было к Сереже. Эту холодность безошибочно чувствует Долли, в образе которой воплощено одно из самых светлых представлений Толстого о женском и материнском началах. Окончательное оскудение в Анне этих начал символизирует ее решение отказаться от последующего деторождения (для Толстого, как известно, предохранение было одним из самых страшных грехов).

«Тетя Мотя» обрывается на эпизоде рождения второго ребенка (примерно на этом же, по мысли критиков, и должна была закончиться «Анна Каренина», если бы она была традиционным семейным романом). И этот эпизод здесь ясно подан как неожиданный дар и повторение того чуда, которое обещало рождение Темы и которое теперь действительно *может* преобразить всю жизнь героев. И, более того, *уже* преображает: неслучайно именно перед этим таинством рождения на страницах романа возникает удивительный образ бредущих по ночной дороге к роддому Коли и Тети Моти: «Сами дойдем», – отрезал Коля. И все время вел ее под руку» [4, с. 506]. Отсутствие помощи от других людей и муж как опора и защита беременной женщины, единение двоих и общее движение их по дороге в устремленности к конечной цели, – этот образ-символ вобрал в себя, как кажется, множество ассоциаций со «знаковыми» семьями в истории человечества. Начиная от путешествия праведного Иосифа и Пресвятой Девы в Вифлеем и заканчивая знаменитым эпизодом из «Жития протопопа Аввакума», где ссыльный протопоп с супругою бредут по льду

(«Долго ли муки сея, протопоп, будет?») И я говорю: «Марковна, до самая смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем»).

Но, при всей своей знаковости, этот образ с последних страниц «Тети Моти» не теряет своей конкретности. Это не только *символ* счастливой семьи, но и двое *конкретных* людей, которые неожиданно, как бы в исполнении слов Тишки, стали единым целым – причем не только метафорически, но и буквально, в рожденном ребенке. Более того, это рождение возвращает героине чувство Присутствия в ее жизни Того, Кого она так ясно чувствовала и в первую беременность: «Что-то большое, мокрое, горячее выскользнуло из нее. И поднялась тишина. Несколько бесконечных мгновений закачались в белом рассвете. В просторе родильной комнаты *с потолками в невидимых небесах*. Как вдруг нараставшее безмолвие разрезал резкий короткий звук. Сердитый, жалобный писк. Это кричал ее ребенок.

Здравствуй, моя любовь» (курсив наш – *Е.В.*) [4, с. 505].

Это та любовь, которой не хватало героине (хотя «начатки» этой любви есть в ее отношении к сыну – как это было и у Анны Карениной; только Тетя Мотя, в отличие от героини Толстого, не предает эту свою любовь). Та любовь, которую она не могла найти ни в себе, ни в муже, ни в любовнике, та любовь, которую из последних сил пытался дать им с Колей Темка, «прикрывая» собой их брак. Это рождение ребенка, несущего любовь в их семью, учащего любить по-настоящему (не случайны ведь слова апостола о том, что женщина спасается именно чадородием (1 Тим. 2, 15) есть результат вмешательства тех самых «высших сил», та «мистическая» сторона брака, о которой пыталась рассказать Тете Моте Тишка. Это милость, дар тете Моте и Коле от Того, Кто Единственный умеет по-настоящему любить (ср. «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4,8) и хранить верность, от Того, Кто, вопреки всем ошибкам обоих героев, сделал все, чтобы сохранить их венчанный брак.

Список литературы:

1. Варакина Е. «Анна Каренина»: искушение страстью [Электронный ресурс] // Семейный опыт: сайт о православной семье [сайт]. 2013. URL: <https://bit.ly/3qfVe5p> (дата обращения: 07.11.2013).
2. Варакина Е.Р. «Православная художественная проза»: к проблеме бытования термина // Православие и русская литература: сборник статей. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 225-235.
3. Варакина Е.Р. Любовь к священнику как «христианский» формат «запретной любви»: 5 вариантов сюжетной модели (на материале современной русской литературы) // Варакина Е.Р. От «Кыси» до «Серафима»: духовно-социальная проблематика современной русской литературы. М.: Биосфера, 71 с.
4. Кучерская М. Тетя Мотя. М.: Астрель, 2013. 506 с.
5. Новикова Л. Майя Кучерская оправдала Анну Каренину [Электронный ресурс] // Известия. 07.10.2012. URL: <https://bit.ly/3ERJV7o> (дата обращения: 07.11.2013).

Сведения об авторе:

Варакина Евдокия Раифовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории литературы филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Varakina Evdokia Raifovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: evdokija@inbox.ru.